

Язык. Константы. Переменные

Памяти Александра Евгеньевича Кибрика

УДК 811+81'44
ББК 81
Я 410

Редакционная коллегия:

*М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова,
В. А. Плунгян (гл. ред.),
С. Г. Татевосов, О. В. Федорова*

Я410 Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. – СПб.: Алетейя, 2014. – 680 с.

ISBN 978-5-90670-514-3

Настоящая книга представляет собой сборник научных статей, посвященных памяти замечательного российского ученого и организатора науки, крупнейшего полевого лингвиста и оригинального теоретика, члена-корреспондента РАН Александра Евгеньевича Кибрика (1939–2012). Представленные в книге статьи затрагивают актуальные вопросы теории языка и методологии лингвистических исследований, лингвистической типологии, описания русского языка и других языков мира (особенно языков Дагестана). Ряд статей содержит мемуарные фрагменты. Для широкого круга лингвистов.

УДК 811+81'44

ББК 81

В оформлении обложки использована картина матери А. Е. Кибрика художницы Лидии Тимошенко «Портрет сына» (1962)

ISBN 978-5-90670-514-3

9 785906 705143

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

ВНУТРИГЕНЕТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Внутригенетическая лингвистическая типология представляет собой весьма парадоксальную область.

С одной стороны, сравнение синхронных срезов родственных языков никак нельзя назвать методологическим новшеством (тем более методологическим новшеством нельзя назвать описание, в фокусе внимания которого находится один идиом, но его данные рассматриваются не в вакууме, а в сопоставлении с родственными языками). Если в работе предлагается описание нескольких родственных языков, эти языки неизбежно сравниваются друг с другом, в частности — делаются эксплицитные обобщения о том, что в их структуре общее, а что вариативное. В качестве яркого примера выдающейся ранней работы можно привести монографию Castrén 1854, в которой описываются в сопоставлении друг с другом пять близкородственных самодийских языков — сначала каждый раздел грамматики рассматривается обобщенно для самодийских языков в целом, далее следует информация, характеризующая своеобразие каждого языка в отдельности. С тех пор работ под примерными названиями «Явление X в языках Y» или «Сопоставительная грамматика языков Y», где Y — это группа или семья родственных языков, появилось бесчисленное множество — настолько, что, кажется, случайный набор библиографических ссылок, которые почему-либо вспомнились бы первыми автору данного текста, был бы излишним. Примечательно, что в таких работах, во многом вне зависимости от конъюнктуры, характерной для того или иного периода в истории науки, синхрония соседствует с диахронией (хотя их соотношение, конечно, может быть очень разным): при рассмотрении генетически однородного материала делаются утверждения и о сходствах и различиях в актуальном функционировании того или иного фрагмента грамматики, и о том, что унаследовано или не унаследовано генетической общностью или ее частью от праязыкового состояния.

С другой стороны, «теория» внутригенетической типологии разработана крайне мало, а если принять во внимание постоянное бурное развитие самой области, то почти не разработана вовсе. «Просто» типологии (пользуясь термином А. Е. Кибрика, внегенетической типологии) как методу посвящены многочисленные учебники и проблемные статьи, а едва ли не большинство типологических работ содержит методологический раздел, в котором обоснован принцип проведения исследования. Сравнимы ли разные языки, какая субстанция может быть *tertium comparationis*, какие именно языки можно и нужно привлекать к сравнению, какие далеко идущие выводы могут быть сделаны из фактических результатов сравнения — в случае внегенетической типологии всё это вопросы пусть и не получившие всех устроивших ответов, но поставленные уже давно и обсуждавшиеся бесчисленное количество раз. Принимая то или иное решение, касающееся дизайна «просто» типологического исследования, лингвист-типолог делает сознательный выбор и отдает себе отчет во всех связанных с ним проблемах и ограничениях. Что же касается внутригенетической типологии, то

здесь дело обстоит иначе: право сравнивать между собой родственные языки не обосновывалось, но и не ставилось под сомнение, а в том, как это делать, никто никого ни в чем не ограничивает¹.

Едва ли не единственным автором ряда исследований по внутригенетической типологии (нахско-дагестанских языков) (Кибрик / Kibrik 1979–1981 / 2003b, 1983, 1987a, 1987b / 1992, 1991, 1995, 2007 и др.), эксплицитно задавшимися вопросом о принципах своей работы, и уж, кажется, и вовсе единственным автором специальных, пусть и кратких, методологических публикаций по внутригенетической типологии (Кибрик / Kibrik 1993, 1998, 2003a) оказался А. Е. Кибрик. Ему же принадлежит, по крайней мере в русскоязычном варианте, и сам термин «внутригенетическая типология», который как-то сразу прижился, так что авторство сейчас можно восстановить лишь по контексту, в котором термин вводится: «Типология родственных языков (которую можно назвать ... внутригенетической) является необходимой частью общей типологии», см. Кибрик 2003a: 191. В англоязычном варианте термин “intra-genetic typology” спорадически употребляется и ранее, см. Corbett 1987: 307, но крайне мало. В качестве своего предшественника А. Е. Кибрик называет, что совсем не удивительно, Дж. Гринберга и отсылает к методологической публикации Greenberg 1969 (следует также назвать работу Greenberg 1978), в которой содержится небольшой раздел о «внутригенетическом сравнении»; однако эту публикацию можно назвать относительно малоизвестной (для Гринберга), и серьезного влияния собственно на последующие работы, в которых сопоставляются родственные языки, она не оказала. Таким образом, между делом именно Александр Евгеньевич запустил процесс институционализации целой области лингвистики, которая де факто существует давно и обширна, но складывалась стихийно и как особая область себя, по-видимому, не осознавала вовсе. Между делом — потому что методика внутригенетической типологии далеко не первая ассоциация с научной деятельностью Александра Евгеньевича (не говоря уж про организационную), и можно только сожалеть, что за краткими публикациями по этой теме не последовали более развернутые. Институционализация всё же началась — потому что после публикаций А. Е. Кибрика исследователям, которые, сравнивая родственные языки, желают отнести свою деятельность прежде всего к области ‘типологии’, а не ‘уралистики’ / ‘дагестановедения’ / ‘мандеистики’ и т. д., предоставлена такая возможность — и есть работы, авторы которых этой возможностью воспользовались, например — Ганенков 2005, Коношенко 2011, Усачева 2012, Шлуинский 2012, 2013.

Выступить с амбицией продолжить заполнение лакуны, обнаруженной Александром Евгеньевичем, по меньшей мере рискованно. Тем не менее, сознавая риск и не претендуя на полноту с какой бы то ни было точки зрения, я попробую обозначить некоторые проблемные точки внутригенетической типологии как метода. Прежде всего я ориентируюсь на собственный опыт исследований по внутригенетической типологии языков ква², но учитываю и опыт других исследований, в первую очередь — А. Е. Кибрика.

Но прежде суммируем известное. Цель типологии — обогащение лингвистической теории за счет исследования пределов вариативности типологических параметров. Однако

¹ Весьма симптоматично, что в работе Усачева 2012: 6–7 говорится, что в этой работе «продемонстрированы преимущества метода внутригенетической типологии», и в то же время не объясняется эксплицитно, в чем этот метод состоит.

² Языки семьи ква, входящей в гипотетическую макросемью нигер-конго, распространены преимущественно в Кот-д’Ивуаре, Гане, Того и Бенине.

типологические параметры неоднородны, и если для одних параметров оптимальна широкая случайная выборка языков различной генетической принадлежности, то для других параметров она по разным причинам неадекватна, а выборка, в которой все языки родственны³, напротив, дает нетривиальные результаты⁴. А. Е. Кибрик выделяет четыре качества типологических параметров, для которых особенно удачен выбор внутригенетической типологии как метода: 1) диахроническая неустойчивость параметра, за счет которой сравнение родственных языков позволяет обнаружить типологическое разнообразие; 2) общетипологическая редкость или, по крайней мере, неуниверсальность параметра, который при этом широко представлен в конкретной генетической общности; 3) сложность / комплексность параметра (как, например, параметр «базисный синтаксис» в работах Кибрик 1979–1981 / 2003b), в случае которой удобно сравнивать относительно похожие фрагменты грамматик родственных языков и затруднительно — фрагменты грамматик языков, не имеющих ничего общего; 4) континуальность (а не бинарность) параметра, при котором именно сопоставление родственных языков позволяет охватить равномерно все точки шкалы. Таким образом, внутригенетическая типология представляется особенно методологически продуктивной для типологического исследования сложных фрагментов языковых систем, которые составляют яркую черту данной конкретной генетической общности и не имеют совсем точных аналогов в языках других семей.

Дополнительно отметим еще одну частную, но важную деталь: во внегенетических типологических исследованиях всякая семья или группа в подавляющем большинстве случаев «почему-то» оказывается представлена наиболее крупным и тем самым наиболее хорошо описанным языком. Это означает, что данные языков менее известных, даже если они в принципе зафиксированы в описательных работах, часто долгое время остаются за пределами научного оборота типологии и тем самым теории. Внутригенетический подход, напротив, позволяет учесть действительное типологическое разнообразие соответствующей генетической общности.

1. СОСТАВЛЕНИЕ ВЫБОРКИ

Гипотетически во внутригенетической типологии извечная методологическая проблема языковой выборки могла бы быть снята. Если охват всех существующих и всех задокументированных существовавших ранее языков мира — задача заведомо не осуществимая практически, то охват всех известных идиомов определенной группы или семьи в принципе возможен. Тем не менее, фактическая практика чаще бывает иной:

³ Строго говоря, требует хотя бы какой-то экспликации и понятие родственных языков: как известно, недоказуемо отсутствие языкового родства, а здравый смысл вынуждает считать имеющей основания гипотезу о том, что человеческий язык появился единственный раз и тем самым все известные языки родственны. В работе Бурлак & Старостин 2005 предлагается имеющая известную долю условности классификация глубин родства языков: а) «тривиальное» (как в случае русского и белорусского); б) «заметное» (как в случае славянских языков); в) «конвенциональное» (как в случае индоевропейских языков); г) «дальнее» (как в случае нестратических языков). В контексте внутригенетической типологии речь идет в первую очередь о близком языковом родстве («тривиальном» или «заметном»), во вторую — о «конвенциональном», но никогда о «дальнем». Связано это с тем, что чем дальше отстоят друг от друга языки генетически, тем в меньшей степени их типологическое сравнение отличается от типологического сравнения языков неродственных.

⁴ Разумеется, «большая» типология со случайной выборкой из сотен языков и внутригенетическая типология — не единственные две возможности; проблемы составления относительно небольшой выборки, в которой есть не только родственные языки, мы здесь не обсуждаем.

сопоставляются не все идиомы определенной генетической общности, а какая-то их часть — хотя, разумеется, внутригенетическая выборка всегда составляет на порядки большую часть генеральной совокупности рассматриваемой группы или семьи, чем внегенетическая — генеральной совокупности языков мира.

В работах А. Е. Кибрика фактически используется стратегия построения выборки, которая во внегенетической типологии иногда называется «стратегией независимости» и состоит в том, что генетическая общность представлена в типологическом исследовании одним частным идиомом (обоснование этого метода в его строгом воплощении в Perkins 1989). Если во внегенетической типологии такой общностью является языковая семья, то во внутригенетической существенно увеличивается масштаб — так, в Кибрик 1979–1981 / 2003b для каждого дагестанского языка выбран один говор одного диалекта — а как известно, отличия между диалектами дагестанских языков велики⁵. Имеется ли в виду, что с точки зрения рассматриваемых фрагментов языковой системы диалекты идентичны и выбор диалекта не имеет значения? По крайней мере в каких-то случаях дается эксплицитный отрицательный ответ⁶. Можно оптимистически ожидать, что неучет различных типологических возможностей, представленных в разных диалектах или говорах одного языка, компенсируется полным покрытием языков, но это в лучшем случае ожидание, а не эмпирический результат.

В работах Шлуинский 2012, 2013 по внутригенетической типологии языков ква я использовал незамысловатую стратегию построения выборки, которую можно назвать «стратегией максимального охвата», состоящую в том, чтобы охватить данные как можно большего числа языков. Если во внегенетической типологии «максимальный охват» имеет глубоко субъективный характер (ничто не мешает исследователю-типологу привлечь доступные данные еще одного языка) и потому вряд ли может получить серьезное обоснование⁷, то во внутригенетической типологии, когда генеральная совокупность обозрима, максимальный охват напрямую основывается на практической доступности данных. К семье ква, согласно принятой современной классификации (см. Lewis et al. (eds.) 2013), относятся около 80 языков; примерно для четверти из них опубликованы сколько-то представительные материалы, и, таким образом, эти языки и могут составить выборку максимального охвата для внутригенетического типологического исследования. В Таблице 1 представлено соотношение генетической классификации языков ква, количества языков, принадлежащих к генетическому объединению самого нижнего уровня, и количества языков, данные которых я имел возможность использовать для сопоставительного исследования сериальных конструкций с глаголом 'брать', см. Шлуинский 2013. Как видно, практически ориентированная выборка максимального охвата не дает ни полного покрытия всех генетических микрообъединений, а также не является сбалансированной с точки зрения соотношения языков, принадлежащих к микрообъединению в целом, и тех из них, что попадают в выборку. Очевидно, что при таком раскладе

⁵ Достаточно сказать уже о том, что, например, в работе Кибрик 1979–1981 / 2003b речь идет о даргинском языке (представленном в исследовании единственным чирагским диалектом), тогда как в настоящее время принято говорить о даргинских языках (ср., например, Сумбатова 2013).

⁶ «В табасаранском языке выделяются два диалекта — северный и южный. Настоящее описание опирается на данные говора сел. Кондик. В интересующем нас отношении кондикский говор характеризуется чертами как северного диалекта... так и южного», см. Кибрик 2003b: 505.

⁷ Что, однако, часто нисколько не мешает исследователю-типологу обследовать выборку, основанную на том, что по разным причинам практического толка доступными оказались данные именно этих языков (и, часто, только они).

внутригенетические типологические обобщения могут иметь только предварительный характер и, в принципе, могут быть опровергнуты впоследствии. В то же время нужно отметить, что стратегия независимости в данном случае оказалась бы еще менее состоятельной — так, данные языков чумбурунг, гонджа и навури, которые принадлежат к группе северных гуанг, обнаруживают существенные различия.

Таблица 1. Генетическая стратификация выборки максимального охвата для проведения исследования сериальных конструкций с глаголом 'брать' в языках ква

Генетическое объединение	Всего языков	Языков с доступными данными
левобережные > аватиме-ньянгбо	3	1
левобережные > гбе	21	3
левобережные > кебу-анимере	2	0
левобережные > кпосо-ало-бовили	4	2
ньо > агнеби	3	1
ньо > аттие	1	1
ньо > га-дангме	2	1
ньо > поту-тано > базила-аделе	2	0
ньо > поту-тано > эга	1	0
ньо > поту-тано > лелеми	4	1
ньо > поту-тано > логба	1	1
ньо > поту-тано > поту	2	0
ньо > поту-тано > тано > центральные > акан	4	1
ньо > поту-тано > тано > центральные > биа > северные	5	3
ньо > поту-тано > тано > центральные > биа > южные	3	1
ньо > поту-тано > тано > гуанг > северные	12	3
ньо > поту-тано > тано > гуанг > южные	4	0
ньо > поту-тано > кробу	3	0
Всего:	77	19

Другие внегенетические стратегии построения выборки — случайная выборка и обособленная сбалансированная выборка с охватом разнообразия Rijkhoff & Bakker 1989 — для внутригенетической типологии скорее не актуальны: если генеральная совокупность обозрима, то вряд ли может быть целесообразно направленное отсечение доступных данных.

Таким образом, во внутригенетической типологии, как и во внегенетической, существует задача составления выборки, которая требует специальной экспликации. При составлении выборки возможны разные стратегии, сходные с принятыми во внегенетической типологии и имеющие соответствующие слабые стороны. В то же время, внутригенетическая типология хотя бы потенциально имеет возможность снять проблему выборки путем полного охвата данных.

2. ОБЪЯСНЕНИЕ СХОДСТВА

Безоговорочно сильной стороной внутригенетической типологии является возможность сопоставительного исследования тонких различий между сходными в большинстве деталей сложными фрагментами грамматических систем. В работах А. Е. Кибрика акцент делается именно на этой стороне дела: в фокусе внимания

оказывается в первую очередь типологическое варьирование между родственными языками, ср. утверждение о том, что в выборке из двадцати дагестанских языков «не встретилось ни одной пары языков, имеющих идентичную систему сочинительных конструкций», см. Кибрик 2007: 116.

В то же время, естественно, внутригенетическое типологическое исследование выявляет и сходства между родственными языками, входящими в выборку. Есть по меньшей мере три способа объяснить сходство между определенными фрагментами грамматических систем пары языков. Во-первых, данный фрагмент грамматики может быть унаследован обоими языками от праязыка, к которому они оба восходят. Во-вторых, сходство может быть объяснено контактным взаимовлиянием этих языков или влиянием одного языка на другой. В-третьих, наконец, сходство может иметь собственно типологический характер, будучи достигнуто в результате независимого диахронического развития каждого языка в отдельности. Строго говоря, эти три возможности принципиально существуют и для сходства, обнаруживаемого в рамках внегенетического типологического исследования, но серьезные затруднения здесь редки. Во внутригенетической же типологии выбор объяснения обнаруженного сходства далеко не всегда тривиален. С одной стороны, родственные языки по определению обязаны многими своими сходствами общему предку. С другой стороны, родственные языки часто распространены в одном и том же ареале, а изначальное их сходство упрощает контактное влияние. Наконец, изначально нетривиальным образом сходные системы могут иметь ограниченные возможности дальнейшего развития, что и обуславливает независимое достижение одного и того же более позднего состояния. Именно третья объяснительная возможность наиболее привлекательна для типолога, но именно она же может быть привлечена лишь в последнюю очередь: сходство может быть объявлено чисто типологическим, если ясно, что оно не унаследованное и не ареальное, в противном случае вопрос по меньшей мере остается открытым.

В исследовании клаузального сочинения в дагестанских языках А. Е. Кибрик приходит к выводу, что «если взглянуть на варьирование сочинительной конструкции с исторической точки зрения, то бросается в глаза тот факт, что это варьирование не коррелирует с генетической и ареальной близостью языков», см. Кибрик 2007: 118. Ярким примером из этой работы является т. н. «приоритет непереходной клаузы», состоящий в том, что при наличии анафорического отношения между именными группами двух клауз полная именная группа всегда находится в непереходной клаузе, а анафорическое местоимение — в переходной вне зависимости от того, какая клауза синтаксически является главной, а какая — зависимой, ср. (1a-b). В выборке А. Е. Кибрика это явление засвидетельствовано в кондикском табасаранском, гинухском и чамалинском языках, относящихся к разным подгруппам нахско-дагестанской семьи и не находящихся в контакте, то есть может быть интерпретировано как самостоятельная инновация каждого из этих трех языков. В своем исследовании сериальных конструкций с глаголом ‘брать’ в языках ква (см. Шлуинский 2013) я показал, что если конструкции с суммарным значением ‘принести’, как в (2a), представлены в большинстве языков выборки, то конструкции с суммарным значением ‘привести’, как в (2b), — только в языках фон, га, акан, аньин и иго, не составляющих большего специфического генетического или ареального единства, чем принадлежность к семье ква и к ареалу этой семьи. В этом случае также можно предполагать типологически сходное независимое развитие употреблений типа (2b) на базе употреблений типа (2a).

чамалинский

- (1) a. jac_i , [wacud-la \emptyset_i č̣in], jexajina
 сестра.NOM брат.ERG (NOM) бить.CVB уйти.AOR⁸
 ‘Сестра, после того как брат ее побил, ушла’. [Кибрик 2007: 89]
- b. [jac_i niʔa], wacud \emptyset_i č̣in
 сестра.NOM прийти.CVB брат.ERG (NOM) бить.AOR
 ‘Сестра пришла, и брат ее побил’. [ibid.]

фон

- (2) a. $k\acute{o}k\acute{u}$ $s\acute{o}$ $\acute{a}s\acute{o}n$ $l\acute{e}$ $y\acute{i}$ $\acute{a}x\acute{i}$ $m\acute{e}$
 Коку брат краб PL идти рынок в
 ‘Коку отнес крабов на рынок’. [da Cruz 1992: 115]
- b. $k\acute{o}k\acute{u}$ $s\acute{o}$ $v\acute{i}$ $l\acute{e}$ $w\acute{a}$ $x\acute{o}$ $m\acute{e}$
 Коку брат ребенок PL приходит квартира в
 ‘Коку привел детей в квартиру’. [ibid.: 116]

Напротив, в случае корреляции определенного значения исследуемого параметра с генетической близостью языков, в которых это значение представлено, структурное сходство между этими языками может быть объяснено общей инновацией их праязыка, которая была ими унаследована. Типологическое исследование битранзитивных глаголов в языках ква (см. Шлуинский 2012) показывает, что в подавляющем большинстве языков выборки объект-реципиент линейно предшествует объекту-пациенсу, а обратный порядок неграмматичен (3), но в языках эве, фон и ген возможны оба линейных порядка (4). Так как эти три языка близкородственны и относятся к группе гбе, линейный порядок типа (4b), скорее всего, унаследован ими от праязыка этой группы. Аналогично корреляция определенного значения исследуемого параметра с особо тесной ареальной близостью языков, в которых оно представлено, может свидетельствовать о том, что это значение является инновацией, которая распространилась контактным путем.

логба

- (3) a. howusu \acute{o} -tá asafo e-feshi
 Ховусу 3SG-давать Асафо CL-овца
 ‘Ховусу дал Асафо овцу’.
- b. *howusu \acute{o} -tá e-feshi asafo
 Ховусу 3SG-давать CL-овца Асафо [Dorvlo 2008: 137]

фон

- (4) a. $k\acute{o}k\acute{u}$ ná $\acute{a}s\acute{i}b\acute{a}$ $\acute{a}s\acute{o}n$
 Коку давать Асиба краб
 ‘Коку дал Асибе краба’. {a=b}
- b. $k\acute{o}k\acute{u}$ ná $\acute{a}s\acute{o}n$ $\acute{a}s\acute{i}b\acute{a}$
 Коку давать краб Асиба [Lefebvre & Brousseau 2002: 254]

Существуют, однако, случаи, когда объяснение структурного сходства между родственными языками далеко не самоочевидно. Серийные конструкции с глаголом

⁸ Сокращения в глоссах: 2, 3 — 2, 3 лицо, AOR — аорист, CL — показатель согласовательного класса, CVB — деепричастие, DEF — показатель определенности, ERG — эргатив, IMP — императив, NOM — номинатив, PL — мн. число, PST — прошедшее время, SG — ед. число.

‘братъ’ имеют комитативные употребления (5) в пяти языках ква выборки Шлуинский 2013 — абе, аттие, акан, аньин, бауле. Эти пять языков имеют общую генетическую характеристику высокого уровня: все они принадлежат к ветви ньо семьи ква, а не к левобережной. В то же время к ветви ньо принадлежит и множество других языков выборки (см. Таблицу 1), в которых комитативные употребления конструкций с глаголом ‘братъ’ отсутствуют. Можно ли предположить, что, тем не менее, более тесная генетическая общность данных пяти языков, чем принадлежность к изучаемой языковой семье ква, не случайна? Такое предположение имеет право на существование, но не кажется правдоподобным и по меньшей мере не верифицируемо: в сущности, мы должны тогда допустить, что комитативные употребления конструкций с глаголом ‘братъ’ возникли в праязыке ньо, но были утрачены большинством его потомков. Но не существует формального порога — какая часть генетического объединения должна быть охвачена каким-либо явлением, чтобы можно было признать его корреляцию с этим генетическим объединением не случайной.

абе

(5) gbery bə ja ji ogboba

Гбери братъ жена ехать Агбовиль

‘Гбери поехал в Агбовиль с женой’. [Gbery 1987: 141]

Итак, структурное сходство между родственными языками, входящими в выборку при внутригенетическом типологическом исследовании, может объясняться их общим происхождением, контактным влиянием или независимым типологически сходным развитием. Строгая корреляция сходства с генетическим объединением⁹ или с зоной распространения свидетельствует о том, что сходство унаследовано или, соответственно, возникло благодаря взаимовлиянию. Полное отсутствие такой корреляции, напротив, свидетельствует о типологическом характере сходства, возникшего благодаря самостоятельному развитию каждого языка; исследование такого сходства, собственно, и входит в задачи внутригенетической типологии. В многочисленных промежуточных случаях, за неимением лучшего, пока возможны лишь основанные на интуиции предположения.

3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СТАТУС ОБОБЩЕНИЙ

Теоретическая ценность внегенетических типологических обобщений известна: это универсалии структур языков мира, реже экзистенциальные, чаще имплицативные, которые ограничивают пространство возможностей для человеческого Языка вообще. Внегенетическая типология напрямую «кормит» общее языкознание. Попытка непосредственно спроецировать это на внутригенетическую типологию приводит к абсурдным формулировкам: внутригенетические типологические обобщения составляют универсалии структур соответствующей языковой семьи или группы, которые огра-

⁹ Следует упомянуть о том, что и сама генетическая классификация нижнего уровня в случае «тривиального» или «заметного» родства всего рассматриваемого объединения, как правило, имеет крайне дискуссионный характер — см., например, недавнюю работу о классификации идиомов пулар-фульфульде: Коваль 2013. Это значит, что в каждом конкретном случае заслуживает отдельного внимания вопрос о том, каков статус того объединения, с которым коррелирует или не коррелирует изучаемое структурное сходство.

ничивают пространство возможностей для Языка данной семьи вообще — а такое понятие полностью лишено смысла. Это значит, что внутригенетическая типология целесообразна, только если обобщения, сделанные на материале выборки, ограниченной родственными языками, каким-то образом несут в себе информацию о Языке в целом.

В Kibrik / Кибрик 1987a, 1987b / 1992 представлена эксплицитная формулировка, разрешающая это противоречие наиболее прямым способом: *на материале* дагестанских языков ставится задача выявления универсального и вариативного в Языке в целом. В этих работах А. Е. Кибрик, проводя внутригенетическое типологическое исследование конструкций с сентенциальными актантами в дагестанских языках, разделяет три типа явлений: а) универсальные свойства конструкций с сентенциальными актантами, б) свойства конструкций с сентенциальными актантами, универсальные только для эргативных языков (и тем самым для всех языков выборки — но не потому, что они все дагестанские, а потому, что они все эргативные), в) свойства конструкций с сентенциальными актантами, варьирующие от языка к языку. Таким образом, выборка дагестанских языков приравнивается к выборке эргативных языков, а их специфические дагестанские сходства лишь облегчают сопоставление. Однако, во-первых, возможность экстраполяции свойств эргативных языков одной отдельной семьи на эргативные языки в целом остается всё же гипотетической и нуждается в проверке¹⁰. Во-вторых, такой подход уместен только в том случае, когда речь идет о типологическом исследовании явления, в том или ином виде представленного во всех языках, — каковым и являются конструкции с сентенциальными актантами. В то же время, как уже было сказано, в Kibrik / Кибрик 1998, 2003a внутригенетическая типология справедливо декларируется как метод, подходящий для сопоставительного исследования явлений, которые в целом являются редкими, но широко представлены в данной языковой семье, а кроме того, устроены достаточно сложно. В этом случае связь между внутригенетическими типологическими обобщениями и теорией устроена тоньше.

В заключительном разделе Кибрик 2007 подчеркивается, что принципы и стратегии, ограничивающие обнаруженную автором вариативность в сфере клаузного сочинения в дагестанских языках, имеют неспецифический характер, то есть, во-первых, проявляются и в данном фрагменте синтаксиса, и во многих других, а во-вторых, принадлежат к универсальному «репертуару» возможностей, которыми располагает Язык вообще. Иными словами, внутригенетическая типология может быть оправдана методологической установкой, состоящей в надежде на то, что ограничения вариативности специфического фрагмента грамматики родственных языков, составляющего ее индивидуальность, определяются ограничениями общего характера, релевантными для всех языков в целом (либо для какого-то большого типа, такого, как, например, «эргативные языки»).

Одна из функций сериальных конструкций с глаголом ‘брат’ в языках ква — маркирование объекта переходного глагола: глагол ‘брат’ вводит объектную именную группу, а следующий за ним лексический глагол — собственно описываемую ситуа-

¹⁰ Здесь опять же необходимо иметь в виду, что в основной фокус внимания у А. Е. Кибрика попадает вариативность, а не сходство. Данные публикации показывают (что и сформулировано в их заключительных разделах), что уже на материале одних только дагестанских языков можно убедиться в том, что эргативные языки демонстрируют широкое синтаксическое разнообразие, а не представляют собой единый тип. То, что материал других эргативных языков может показать, что это разнообразие еще больше, лишь усиливает этот вывод.

цию и, если есть, другие ее актанты. Материал языков ква выборки Шлуинский 2013 показывает, что, множества переходных глаголов, способных употребляться в таких конструкциях, разные в разных языках, причем вариативность ограничена иерархией (i): употребления с битранзитивными глаголами (6a) представлены во всех языках выборки, употребления с глаголами с локативным дополнением (6b) — в их подмножестве, употребления с агентивными предельными монотранзитивными глаголами (6c) — в их подмножестве, употребления с прочими контролируемыми монотранзитивными глаголами (6d) — в их подмножестве, употребления с прочими монотранзитивными глаголами (6e) — в их подмножестве. В Таблице 2 представлены примеры языков, в которых употребления охватывают больший или меньший сегмент иерархии (i). Иерархия (i), обобщающая результат внутригенетического типологического исследования, обусловлена тремя относительно автономными причинами. Во-первых, это специфическая для диахронии данной конкретной конструкции исходная метафора, связанная с лексическим значением глагола ‘брать’, который подвергается в ней грамматикализации: естественно, что первыми в этой конструкции начинают употребляться глаголы, описывающие ситуации, в которых субъект-агенса в прямом или хотя бы переносном смысле слова берет в руки объект-пациенс и совершает с ним какое-то действие, и лишь потом возникают употребления с другими глаголами. Во-вторых, это функциональный принцип различительности (термин, в частности, из работы Кибрик 2007): в языках ква нет сегментного маркирования аргументов битранзитивных глаголов и глаголов с локативным дополнением (см. примеры (3–4)); в конструкциях типа (6a–b) глагол ‘брать’ заполняет функциональную нишу различения аргументов лексического глагола. В-третьих, это параметры Переходности в терминах известной работы Norpег & Thompson 1980: предельные ситуации более переходные, чем непередельные, а контролируемые — более переходные, чем неконтролируемые, поэтому не удивительно, что с глаголами, выражающими предельные контролируемые ситуациями, более характерно употребление объектного маркера, каковым в данном случае является грамматикализированный глагол ‘брать’. Таким образом, иерархия (i) мотивируется сочетанием самых общих функциональных принципов и специфических синхронных и диахронических особенностей синтаксиса языков ква. Универсальные свойства Языка находят в ней свое отражение, но неясно, имеет ли эта иерархия именно в таком виде применение для других фрагментов грамматики других языков и тем самым имеет ли как таковая теоретическую валидность.

(i) битранзитивные глаголы

< глаголы с локативным дополнением

< агентивные предельные монотранзитивные глаголы

< прочие контролируемые монотранзитивные глаголы

< прочие монотранзитивные глаголы

(6) абе

a. eddy bə ʃiga lə aka

Эдди брать деньги давать Ака

‘Эдди дал Аке деньги’. [Gbery 1987: 140]

акан

b. ə-de bo to-o ne mmati

3SG-брать камень класть-PST 3SG плечо

‘Он положил камень к себе на плечо’. [Christaller 1875: 81]

- (6) аньин
 с. fa wó sikaá ní fiá
 брать.IMP 2SG деньги DEF прятать.IMP
 ‘Спрячь свои деньги’. [Quaigean 1987: 314]
- фон
 d. kókú só tú ó hèn
 Коку брать ружье DEF держать
 ‘Коку держал ружье’. [da Cruz 1992: 122]
- ген
 e. ayí só kofi ði
 Айи брать Кофи быть_похожим
 ‘Айи был похож на Кофи’. [Lewis 1992: 143]

Таблица 2. Употребление переходных глаголов
 в языках ква в сериальных конструкциях
 с глаголом ‘брать’ как объектным маркером

	Битранз.	Локаг.	Агент. пред.	Контрол.	Прочие
абе	+	–	–	–	–
акан	+	+	–	–	–
аньин	+	+	+	–	–
фон	+	+	+	+	–
ген	+	+	+	+	+

Таким образом, внутригенетические типологические обобщения, в отличие от внегенетических, не всегда напрямую отражают универсальные свойства Языка вообще и тем самым не всегда являются прямым вкладом в лингвистическую теорию, но в то же время могут служить иллюстрацией того, как специфические конкретноязыковые факты объясняются через общие, применимые к Языку в целом, принципы. Хочется думать, что, тем не менее, обогащение теории через выводы, сделанные в результате сопоставления выборки родственных языков, не только возможно, но и может быть очень велико; но как именно здесь должна выглядеть убедительная гносеологическая цепочка, требует методологической разработки.

* * *

В этой статье я, не претендуя на полноту, сформулировал три методологических проблемы внутригенетической типологии как области лингвистики. Пути решения этих проблем пока удастся обозначить лишь пунктиром, но иное вряд ли возможно, так как самосознание данной области лишь началось — при многочисленности исследований, которые де факто к ней относятся. Спасибо Александру Евгеньевичу за то, что (как и в бесконечно многих других случаях) стихия сравнения родственных языков оказалась направлена лично им в организованное русло.

Литература

- Бурлак С. А., Старостин, С. А. 2005. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Академия.
- Ганенков Д. С. 2005. Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ.
- Кибрик А. Е. 1979–1981. Материалы к типологии эргативности. Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. Вып. 126, 127, 128, 129, 130, 140, 141.
- Кибрик А. Е. 1983. Конструкции с предикатным актантом в дагестанских (эргативных) языках. Храковский В. С. (ред.). Категории глагола и структура предложения: конструкции с предикатными актантами. Л.: Наука.
- Кибрик А. Е. 1992. Конструкции с сентенциальным актантом в дагестанских языках. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: УРСС.
- Кибрик А. Е. 1993. Родственные языки как объект типологии. Молошная Т. Н. и др. (ред.). Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М.: Институт славяноведения РАН.
- Кибрик А. Е. 2003а. Родственные языки как объект типологии. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя.
- Кибрик А. Е. 2003б. Материалы к типологии эргативности. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя.
- Кибрик А. Е. 2007. Принципы и стратегии клаузуального сочинения в дагестанских языках. Вопросы языкознания, №3.
- Коваль А. И. 2013. К внутренней классификации диалектной группы пулар-фульфульде. Виноградов В. А. и др. (ред.). Исследования по языкам Африки 4. М.: Ключ-С.
- Коношенко М. Б. 2011. К типологии согласования в языках манде. Перехвальская Е. В., Желтов А. Ю. (ред.). Le Monde Mandé. К 50-летию В. Ф. Выдрина. СПб.: Нестор-История.
- Сумбатова Н. Р. 2013. Типологическое и диахроническое исследование морфосинтаксиса (на примере языков даргинской группы). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М.: РГГУ.
- Усачева М. Н. 2012. Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ.
- Шлуинский А. Б. 2012. Объекты в битранзитивной конструкции в языках ква: внутригенетическое сопоставление. Желтов А. Ю. и др. (ред.). Африканский сборник 2011. СПб.: Лема.
- Шлуинский А. Б. 2013. Сериальные конструкции с глаголом 'брать' в языках ква: опыт внутригенетической типологии. Виноградов В. А. и др. (ред.). Исследования по языкам Африки 4. М.: Ключ-С.
- Castrén M. A. 1854. Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.
- Christaller J. G. 1875. A grammar of Asante and Fante language. Basel: Basel evang. missionary society.
- Corbett G. G. 1987. The Morphology/Syntax Interface: Evidence from Possessive Adjectives in Slavic. Language 63.
- da Cruz M. 1992. Restrictions sémantiques dans les constructions sérielles avec só 'prendre' et hèn 'tenir' en Fongbè. Journal of West African Languages 23(1).
- Gbery E. 1987. Studies in the grammar of Abbey. Rochester: The University of Rochester.
- Greenberg J. H. 1969. Some Methods of Dynamic Comparison in Linguistics. Puhvel J. (ed.). Substance and Structure of Language. Berkeley — Los Angeles: University of California Press.
- Greenberg J. H. 1978. Diachrony, synchrony and language universals. Greenberg J. H., Ferguson Ch. A., Moravcsik E. A. (eds.). Universals of Human Language. Stanford: Stanford University Press.
- Hopper P. J., Thompson S. A. 1980. Transitivity in Grammar and Discourse. Language 56.
- Kibrik A. E. 1987a. Constructions with clause actants in Daghestanian languages. Lingua 71.
- Kibrik A. E. 1987b. Constructions with clause actants in Daghestanian languages. Dixon R. M. W. (ed.). Studies in Ergativity. Amsterdam: North-Nolland.

- Kibrik A. E.* 1991. Organizing principles for nominal paradigms in Daghestanian languages: comparative and typological observations. Plank F. (ed.). *Paradigms. The economy of inflection*. Berlin — New York: Walter de Gruyter.
- Kibrik A. E.* 1995. Direct-Oblique Agreement of Attributes in Daghestanian. Plank F. (ed.). *Double Case: Agreement by Suffixaufnahme*. New York: Oxford University Press.
- Kibrik A. E.* 1998. Does intragenetic typology make sense? Böder Winfried et al. (eds.). *Sprache im Raum und Zeit*. In memoriam Johannes Bechert. Band 2. Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft. Tübingen: Günter Narr Verlag.
- Lefebvre C., Brousseau A.-M.* 2002. *A Grammar of Fongbe*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter.
- Lewis M.* 1992. *Verb serialization in Gen and the structure of events*. Ph.D. diss. Indiana univ.
- Lewis M. P. et al.* (eds.). 2013. *Ethnologue: Languages of the World*, Seventeenth edition. Dallas, Texas: SIL International. Online version: <http://www.ethnologue.com>.
- Perkins R. D.* 1989. Statistical techniques for determining language sample size. *Studies in Language* 13.
- Quaireau A.* 1987. *Description de l'agni*. Thèse ... doctorat. Grenoble: univ. de Grenoble III.
- Rijkhoff J., Bakker D.* 1998. Language sampling. *Linguistic Typology* 2.